

4. Tolstoj, N.I. (1995) *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike* [Language and folk culture. Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik.
5. Tolstaya, S.M. (2015) *Obraz mira v tekste i ritual* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke.
6. Gura, A.V. (2012) *Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika* [Marriage and wedding in Slavic folk culture: Semantics and symbolism]. Moscow: Indrik.
7. Zhiganova, S.A. (2008) *Kubanskaya svad'ba kak muzykal'no-etnograficheskaya tradiciya pozdnego formirovaniya* [Kuban wedding as a musical and ethnographic tradition of late formation]. Art History Cand. Diss. Moscow: Gnesins Russian Academy of Music.
8. Zhiganova, S.A. (2015) *Svadebnye obryady i fol'klor* [Wedding ceremonies and folklore]. In: *Istoriya, etnografiya, fol'klor Kubani* [History, ethnography, folklore of Kuban]. Vol. 1. Korenovsky district. Krasnodar. pp. 166–190.
9. Zhiganova, S.A. (2018) *Posad nevesty v svyatom uglu: pragmatika proshchal'nyh muzykal'no-poeticheskikh zhanrov v kubanskoj svadebnoj tradicii* [Seat of the bride in the holy corner: pragmatics of farewell musical and poetic genres in the Kuban wedding tradition]. In: *Bogosluzhebnye praktiki i kul'tovye iskusstva v sovremennom mire: v 2 t.* [Liturgical practices and religious arts in the modern world: In 2 Vols]. Vol. 1. Maykop: Magarin O.G. pp. 821–832.
10. Field materials of the folklore-ethnographic expedition of the Krasnodar State Institute of Culture (scientific adviser S.A. Zhiganova) to the Kubansky khutor of the Belorechensky district of the Krasnodar Region. 06.06.2022. Informants: Klochkova (Astakhova) V.V. (born 1949), Stepanova (Astakhova) T.V. (born 1947), Basharina (Sulkovskaya) M.G. (born 1955). Researchers: Zhiganova S.A., Burgart A.A.
11. Field materials of the folklore-ethnographic expedition of the Krasnodar State Institute of Culture (scientific adviser S.A. Zhiganova) to the Kubansky khutor of the Belorechensky district of the Krasnodar Region. 26.11.2022. Performers: Klochkova V.V. (born 1949), Basharina M.G. (born 1955). Lutkova A.V. (born 1956). Researchers: Zhiganova S.A., Burgart A.A.
12. Field materials of the folklore-ethnographic expedition of the Krasnodar State Institute of Culture (scientific adviser S.A. Zhiganova) to the Kubansky khutor of the Belorechensky district of the Krasnodar Region. 26.11.2022. Performers: Klochkova V.V. (born 1949), Stepanova T.V. (born 1947). Lutkova A.V. (born 1956). Researcher: Burgart A.A.
13. Efimenkova, B.B. (2001) *Ritm v proizvedeniyah russkogo vokal'nogo fol'klora* [Rhythm in the works of Russian vocal folklore]. Moscow: Kompozitor, 2001. 256 s.
14. Engovatova, M.A., Efimenkova, B.B. (1991) *Zvukovysotnaya organizaciya russkikh narodnyh pesen* [Pitch organization of Russian folk songs]. In: *Zvukovysotnoe stroenie narodnyh melodij* [Pitch structure of folk melodies]. Moscow.

УДК 73.04

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-26-35

И.В. Шестакова

ПАМЯТНИКИ В. ШУКШИНУ В КОНТЕКСТЕ МЕМОРИАЛЬНОГО ПЕЙЗАЖА

В статье рассматривается проблема взаимосвязанности мемориального пейзажа и памятников В. Шукшину на Алтае. Автором предпринята попытка расширить представление об образно-пластическом языке скульпторов Н. Звонкова, В. Клыкова, об их творческих поисках. Изучение взаимодействия памятников с окружающим их

пространством позволяет осмыслить образно-географические реалии, культурные ландшафты региона. Методика сравнительно-стилистического и семиотического подходов открывает большие перспективы в анализе знаково-символической формы скульптуры. Исследование выявило ее многозначность смыслов, живописно-пластические особенности памятных мест.

Ключевые слова: мемориальный пейзаж, изобразительно-пластический язык, скульптура, памятник, В. Шукшин.

В последнее время усиливается интерес к культуре регионов, их символическому капиталу. Одним из брендов Алтая является В. Шукшин, память о котором бережно сохраняется в его переизданных текстах, созданных экранизациях и поставленных спектаклях по его произведениям, проводимых фестивалях и др. Среди наиболее весомых знаков его почитания является установка памятников, отличающихся по образно-символическому решению, величине, композиции. Весомым аргументом, побудившим нас обратиться к этой теме, является объективный процесс, происходящий в искусствоведении Алтая: создание истории изобразительного искусства этого региона. Актуальность исследования обуславливается значимостью личности В. Шукшина в культурном пространстве России, а также необходимостью систематизации знаний об истории создания и установки ему памятников.

Цель статьи – изучение художественных особенностей памятников В. Шукшину в контексте мемориального пейзажа. Среди задач исследования – анализ и интерпретация произведений скульпторов, оценка роли их творений в культурном пространстве Алтая. В решении этих задач может помочь методика сравнительно-стилистического анализа памятников, которая способствует выявлению индивидуальной манеры скульптора, описанию его изобразительно-пластического языка. При интерпретации художественных образов, созданных скульпторами и архитекторами, также применяется семиотический подход. Осмысление памятников как произведений искусства позволяет выделить разные смысловые слои (символический, сюжетный), что дает ответ на вопросы восприятия творчества скульпторов.

В искусствоведении обычно рассматривают мемориальный пейзаж в живописи, связывая его с формированием «коммеморативных практик, с процессом сакрализации памятных мест, с развитием сети мемориальных музеев» [1. С. 129]. Мы же обратимся к скульптурам, установленным на территории Всероссийского мемориального музея-заповедника В. Шукшина, в усадьбе села Сrostки, в одном из скверов Барнаула. Нас будут интересовать те «места памяти», в которых наиболее концентрированно представлены семантически разные пейзажи, связанные с жизнью писателя, актера, режиссера. В статье впервые описываются памятники В. Шукшину на фоне определенного мемориального пейзажа, что порождает различные смыслы в индивидуальном и коллективном сознании людей. Рассматривая их установку на Алтае в хронологическом порядке, мы проследим эволюцию рождения в камне образа писателя, актера и режиссера.

О феномене мемориальной культуры написано достаточно много монографий и статей [2, 3]. Так, исследователь А. Святославский определяет мемориальную культуру как «культуру увековечения, в основе которой лежит социокультурная деятельность, связанная с формированием такого явления, как памятник. В ходе такой деятельности происходит обращение к образам как прошлой, так и современной действительности, которые обрамляются [...] в “рамки памяти” особенностями порождающего памятник конкретного культурного дискурса» [4. С. 91].

В отечественном искусствоведении исследование скульптуры XX-XXI веков представлено в трудах, посвященных художественно-образному строю этого вида искусства, темам и сюжетам [5, 6]. В статьях Е. Лекус [7], Т. Портновой [8] описываются особенности изобразительно-пластического языка скульптуры. В публикациях Т. Долженковой [9],

И. Полозкова [10] рассказывается о жизни, мировоззрении и творчестве скульптора В. Клыкова. В процессе работы автор также опирался на работы Н. Киселевой [11], Н. Прядухи [12], Т. Степанской [13] о наглядно-изобразительном языке скульптурных произведений на Алтае. Особый исследовательский интерес представляет монография Д. Замятина [14] о культуре и пространстве.

Создатели памятников стремятся использовать окружающее архитектурное и природное пространство для воплощения своего понимания сути творчества того или иного художника. Площади, скверы, природные панорамы составляют мемориальный пейзаж, связанный с деятельностью выдающегося человека, который является важным компонентом в художественном решении поиска места для памятника. Знаковые места жизни героя, природно-ландшафтные виды как бы создают то культурное пространство, которое семантизируется, наполняется литературно-историческими реминисценциями.

Вполне закономерно, что памятник В. Шукшину как гению места установили на его родине. Отсюда он ушел в большой мир, но при этом не порвал отношений с родственниками и односельчанами. Его литературные произведения, фильмы связаны с селом Сротки, его ландшафтом и служат существенной частью образа места.

Мало кто знает, что памятник В. Шукшину мог появиться на территории дома его матери в селе уже в 1975 году. Скульптор В. Клыков обратился к созданию образа писателя, актера, режиссера сразу после его смерти. Он с юношеских лет преклонялся перед талантом Шукшина-актера, но судьба их так и не свела. По мнению фотохудожника А. Ковтуна, любовь В. Клыкова к В. Шукшину, «увлечение этой мощной фигурой выразились в скульптуре «Шукшин. Голова-маска». За кажущейся «небрежной» обработкой камня вырисовывался знакомый образ – напряженный взгляд с надвинутыми надбровьями. Шел 1975 год. Эту работу тут же приобрела Третьяковка. Позже Клыковым было создано по теме Шукшина еще четыре скульптуры» [15].

Фото 1. Скульптура В. Шукшина, созданная В. Клыковым в 1975 г.

Вполне закономерно, что после смерти В. Шукшина мастер, решив поставить ему памятник, начал работать над вариантами надгробия. Создание нескольких скульптур помогли автору приблизиться к более точному воплощению выразительного образа писателя и режиссера. Семиотический анализ позволяет выяснить, какие изобразительные элементы помогают понять идеи автора и глубинные смыслы. Для В. Клыкова важно было подчеркнуть в фигуре В. Шукшина в полный рост черты художника-бунтаря: высокий лоб с морщинами, суровый взгляд, нервное напряжение, играющие желваки на скулах, мощные кулаки человека, готового биться за свои идеи. В его скульптуре просматривается внутренняя сила, схожесть с оригиналом. В. Клыков намеренно слегка деформировал фигуру, руки для большего усиления выразительности художественного образа. В скульптуре нашло отражение образно-символическое решение мотива борьбы, противоборства художника с миром чиновников. В осанке В. Шукшина чувствуется некая воинственность: фигура напряжена, как бы в ожидании удара, лицо сосредоточено. Эта работа предположительно называлась «Шукшин. Боец».

Многие считали этот памятник несуразным: напрягали огромные руки. Матери писателя и режиссера Марии Сергеевны Куксиной тоже работа скульптора не понравилась, о чем она ему сказала в глаза. В документальной киноленте А. Заболоцкого (оператора фильмов В. Шукшина «Печки-лавочки», «Калина красная») она высказалась в шукшинском духе: стоит «как петух, когда ему подшибешь крылья» [16]. Также она не приняла бронзовую сутулую фигуру сына, обутого в сапоги, а не туфли: «Что ж, он век, что ли, в сапогах ходил?» [16].

Эта 1,5-тонная бронзовая скульптура В. Клыкова была привезена с железнодорожной станции Бийска одной из сотрудниц Музея В. Шукшина Л. Калугиной в 1983 году, долго хранилась на складе. Только после смерти М. Куксиной была установлена на территории усадьбы дома матери в 1985 году, где удачно вписывалась в композицию мемориального пейзажа, не нарушив его стилистическую концепцию. В. Шукшин как бы выходил из-за дома, предъявляя свои хозяйские права. Дом, баня, двор – те своеобразные точки отсчета будущего писателя, связывавшие его с «малой родиной» и нашедшие отражение в творчестве. От этого дома лежит ближний подъем на гору Пикет. Позже, в 2002 году, по совету участников семинара директоров литературных музеев России памятник перенесли к главному зданию музея-заповедника, бывшей школе, где он смотрится не очень уместно. Хоть и посажена вокруг него калина, воспетая автором в одноименной киноповести и фильме, он стоит как бы голый, без плотного окружения построек родного дома.

Известно, что есть еще одна статуя В. Шукшина работы В. Клыкова, установленная в одном из особняков Екатеринбурга. Она очень похожа на сродинскую, но скульптор изменил композицию. Он нашел новые стилистические «ходы»: ограничил пространство рамой, использовал приглашающий жест правой руки писателя и режиссера. В. Клыков поместил В. Шукшина в проеме двери на пороге деревенской избы, из которой он как бы выходил к людям. Как сообщает А. Ковтун, эта скульптурная композиция оставалась в мастерской автора до 1990-х годов, а потом владельцы объединения «Полярэкс» ее выкупили [15]. В 2010-х годах власти Бийска надеялись приобрести эту работу и установить на привокзальной площади, с которой молодой Шукшин уезжал в Москву, но им не удалось сделать это...

Фото № 2. Скульптура В. Шукшина, созданная В. Клыковым, в Екатеринбурге

В Барнауле памятник В. Шукшину был установлен в 1989 году. Образ знаменитого земляка был увековечен в камне к 60-летию великого писателя, актера, режиссера в центре сквера на улице, названной в честь Василия Макаровича. Его автором стал самодеятельный скульптор Н. Звонков, который в течение полутора лет создавал свое творение. Образная концепция фигуры В. Шукшина основана на документальной точности его портрета. Скульптор мастерски вылепил бугристые крестьянские кисти рук. Эту немаловажную деталь отметила приехавшая на открытие памятника сестра Наталья Макаровна Шукшина, сказав, что узнает Васины руки.

Н. Звонков долго вел поиск позы и деталей одежды своего героя. Поначалу он хотел посадить его на деревянную лавочку, а в руку вложить ветку калины или книгу, но принял решение изобразить писателя сидящим на камне. Одной рукой он опирался на камень, вызывая ассоциации с «малой родиной», другая опущена вниз. Первоначально скульптор хотел изобразить В. Шукшина в костюме,

что не соответствовало образу народного писателя. Крепкая фигура облачена в простую, расстегнутую у ворота рубашку. Склоненная голова, задумчивая поза, морщины на лбу помогли в раскрытии характера сильного человека, напряженно думающего о жизни.

Самодельному скульптору пришлось советоваться с известными мастерами и людьми, близко знавшими Василия Макаровича. Они внесли некоторые штрихи в им созданный образ. Так, художник В. Рублев вылепил глиняный портрет В. Шукшина, подчеркнув его психологическую глубину, а скульптор М. Кульгачев изменил пропорции фигуры и поставил ноги героя на одну плоскость. Историю создания памятника поведал архитектор С. Боженко, вписавший его в пространство сквера [17]. По мнению кинодраматурга А. Сегеня, памятник «полно отражает характер Макарыча», его «лицо сильного, скорбного, неуспокоенного человека, с ранними морщинами на лбу, с глазами, пронзающими пространства жизни и истории» [18]. Скульптура была отлита из латуни на барнаульском заводе «Трансмаш». Позднее полнофигурная скульптура В. Шукшина была водружена на гранитный постамент, который придал ей объемность и масштабность.

Памятник земляку, вписанный в архитектурный ансамбль и пейзаж сквера, стал любимым местом барнаульцев. Поначалу площадку монумента обрамляли кусты калины, воспетые В. Шукшиным в его фильме. Сейчас вокруг него также посажены березки, о которых писатель всегда любовно вспоминал. Группа белоствольных деревьев как бы раздвигает пространство сквера. Этот памятный знак, объединенный смысловой целостностью с мемориальным пейзажем, делает образ В. Шукшина узнаваемым, входящим в качестве идентифицирующего символа «визитной карточки» Барнаула. Именно здесь с 2012 года в Барнауле ежегодно открываются «Шукшинские чтения», а у постамента перед многочисленными зрителями выступают артисты, литераторы, разные творческие коллективы.

Фото № 3. Памятник В. Шукшину скульптора Н. Звонкова в Барнауле

Через 30 лет после смерти В. Шукшина в 2004 году установили внушительный бронзовый памятник на горе Пикет. Многие пытались ответить на вопрос, почему В. Клыков вновь решил создать скульптуру В. Шукшина, подарив ее селу Сrostки. Наверное, творческий импульс был связан с юбилеем писателя, актера и кинорежиссера, которому могло бы исполниться 75 лет. Эта дата, стабилизируя воспоминание о земляке, предлагает в виде памятного знака застывшую в камне информацию для будущих поколений.

В. Клыков к тому времени уже создал в камне целую галерею монументальных образов православных деятелей, святых, политиков, писателей и поэтов – выдающихся людей, определивших духовный путь России. Как мы уже отмечали, с особым трепетом он относился к личности В. Шукшина, посвятив ему бюсты, станковые скульптуры, памятники, мемориальную доску на доме, где жил писатель. Сам В. Клыков в одном из интервью

признавался, что его покоряла подлинность В. Шукшина: «Правда во всем. Во взгляде, в образе. И потом, у таких ярких личностей всегда облик такой, будто они из самой сердцевины народа. Из самой гущи. Шукшин – из деревенской гущи» [19]. Скульптор, тоже родившийся в деревне, понимал, насколько тесно писатель и режиссер был связан с «малой родиной».

Инициатором создания памятника стал поклонник творчества В. Шукшина бизнесмен С. Козубенко, а проектировал скульптурную композицию на валуне-постаменте архитектор В. Пасенко, который сумел освоить пространство горы. Это одно из самых привлекательных мест села. С восточной стороны горы протекает река Федуловка, приток Катуня, по южной стороне тоже течет бурная Катунь. Вдоль северного склона проходит Чуйский тракт. Здесь, на горе Пикет, особенно остро ощущается то необъятное пространство, где формировался вольнолюбивый шукшинский характер, где родилось у него понимание своей миссии в жизни.

Глядя на памятник, невольно вспоминаешь слова В. Шукшина: «И прекрасна моя родина – Алтай: как бываю там, так вроде поднимаюсь несколько к небесам. Горы, горы, а простор такой, что душу ломит. Какая-то редкая, первозданная красота. Описывать ее бесполезно, ею и надыхаться-то нельзя: все мало, все смотрел бы и дышал бы этим простором» [20. С. 43].

В этот раз замысел В. Клыкова, ранее изваявшего фигуру В. Шукшина в полный рост, был связан с иным художественным образом. Скульптор в своих творениях всегда старался выбирать канонические или даже героические позы. Стоит вспомнить памятники восседающим на конях князьям Святославу Храброму, Дмитрию Донскому, маршалу Георгию Жукову; русским святым Сергию Радонежскому, княгине Ольге, Кириллу и Мефодию, крестителю Руси Владимиру, премьер-министру российской империи Петру Столыпину и др.

Фото № 4. Памятник В. Шукшину скульптора В. Клыкова в с. Сротки

В этом памятнике также отражена индивидуальная стилистика скульптора, связанная с мощью героя. Общая высота бронзовой скульптуры В. Шукшина составляет 5 метров, вес – 20 тонн. Постамент выполнен из цветного цемента с гранитной и мраморной крошкой под дикий камень – валун высотой от 1.80 м до 2.30 м. Размер фигуры 3,5 метра. На северной стороне постамента отлита надпись «Василию Макаровичу Шукшину, с любовью русские люди». Действительно, В. Клыков выразил в этом монументе свою любовь и признание писателю и режиссеру.

Памятник следует рассматривать с разных ракурсов, противоречащих друг другу. С одной стороны, он тесно связан с пейзажем: с верхней точки горы Пикет можно любоваться открывшейся панорамой реки Катунь, предгорий Алтая, величественным Бабьеганом, которые не раз упоминались в рассказах В. Шукшина. При этом взгляд писателя

устремлен в сторону родного села, в степь. С другой стороны, памятник несоизмерим с масштабом его личности. К тому же, он крайне высок, как бы взгроможден на гору.

При интерпретации мемориального пейзажа, который не может быть нейтральным, важны не только живописно-пластические особенности памятного места, но и духовная составляющая скульптуры, созданной руками мастера. Мемориальный пейзаж является семиотическим текстом, хранящим в себе информацию о герое, его мировоззрении, пронизанном различными ассоциациями, связанными с образами литературных и кинопроизведений художника. Босой В. Шукшин сидит на земле, скрестив руки на коленях, и смотрит на родные дали. Мощная и тяжеловесная фигура, вырубленная из камня, обращена лицом к селу, словно он обращается к землякам, мечтая навсегда вернуться на родину. Фактически взяв последний кадр из фильма «Печки-лавочки», в котором В. Шукшин играл тракториста Ивана Расторгуева, скульптор создал обобщенный образ человека, крепко связанного с землей. При рассмотрении символического слоя произведения искусства вслед за журналистом П. Степановым выделим «патриотическую позу», в которой чувствуется боль и трагедия: «художник в этом горевании находит символ высотой в две избы. Странный символ эти 20 тонн обиженной бронзы. Но такова новая монументальная пропаганда обиженной великорусской империи, оскорбленного имперского чувства» [21]. В застывшей позе вечного ожидания, в этом тревожном состоянии, сложенных больших крестьянских руках наблюдается мощная концентрация пластической энергии.

Многие сподвижники В. Шукшина считают, что скульптору удалось передать не портретную схожесть, а живой натянутый нерв его творчества, голос совести представителя народа. Искусствовед Т. Долженкова, сравнивая культурные лики известных людей, верно подметила, что в памятнике поэту В. Хлебникову В. Клыков выразил «природно-космическую суть мира», а в В. Шукшине – «социальную суть нашего времени» как «носителя народных традиций» [9. С. 48]. На одной из фотографий А. Заболоцкого снят скульптор, сидящий в ногах у своего творения, еще не установленного на постамент. Фотохудожник как бы подчеркнул их сходство: оба крепкие, не утратившие связь с землей, духовно питающей их творчество. У Шукшина – взгляд пронизательный, у Клыкова – оценивающий с прищуром. Оба художника рано ушли из жизни, быстро сторев. Каждый из них мечтал вернуться на свою «малую родину»: один – в Сростки, другой – в курскую деревню Мармыжи.

Фото № 5. В. Клыков у скульптуры В. Шукшина

Среди создателей памятника, представителей власти и односельчан было много споров о том, где же должен стоять – на горе Пикет или на Чуйском тракте на повороте в Сростки. Но В. Клыков считал, что на земле памятник со своим устремленным вниз взглядом будет смотреться нелепо. В конце концов памятник был установлен на горе.

Сегодня Пикет является для России настоящим центром духовного притяжения. Ежегодно в последние дни июля с 1976 года здесь проходят «Шукшинские чтения», в которых принимают участие писатели, артисты, художники, музыканты, поклонники таланта В. Шукшина. Особенно сильное впечатление памятник производит, когда смотришь на него со сцены: перед тобой – народное море, а вдали над всеми возвышается Василий Макарович. Земляки и туристы часто приходят к В. Шукшину, чтобы возложить цветы, поклониться, почтить его память. За 19 лет существования памятника большие пальцы на его ногах натерты до блеска: люди с любовью выполняют некий ритуал, загадывая желания.

Важно, что творческое осмысление личности В. Шукшина скульпторами Н. Звонковым и В. Клыковым

до сих пор волнует как исследователей, так и его поклонников. Анализ стилистического разнообразия памятников, образно-символических элементов характерных пластических форм позволяет говорить о заключенной в них многозначности смыслов, об их взаимозависимости с мемориальным пейзажем.

Практическая ценность статьи видится в возможности использования ее результатов в научно-исследовательской и музейной практике, а также в просветительской деятельности, связанной с сохранением таких культурных объектов, как памятники.

Литература

1. Рущинская И.И. Генезис мемориального пейзажа в советской живописи сталинской эпохи // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. №4. С. 129–138.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение. 2018. 328 с.
3. Ярычев Н.У. Мемориальная культура: от категории к феномену // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. № 5. С. 33–37.
4. Святославский А.В. История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов. М.: Древлехранилище, 2013. 592 с.
5. Искусство скульптуры в XX веке: проблемы, тенденции, мастера: очерки: материалы Международной научной конференции, Москва, 2006 / редкол.: М.А. Бусев (ред.-сост.) и др. М.: Галарт, 2010.
6. Искусство скульптуры в XX–XXI веках: мастера, тенденции, проблемы. М.: БуксМАрт, 2017. 632 с.
7. Лекус Е.Ю. Феномен «постмонументальности» в скульптуре рубежа XX–XXI веков // Философия хозяйства. 2013. № 2 (86). С. 233–238.
8. Портнова Т.В. Пластические модификации А. Бурганова // Идеи и идеалы. 2019. Т. 11. № 1. Ч. 2. С. 406–415.
9. Долженкова Г.И. Курский мастер. Вячеслав Михайлович Клыков. Курск: Полстар, 2021. 220 с.
10. Полозков И. Кто же он, Клыков? // Наш современник. 2019. № 10. С. 125–135.
11. Киселева Н.Е. Историко-революционная тематика в работах алтайских скульпторов XX века // Молодой ученый. 2016. № 3. С. 1052–1055.
12. Прядуха Н.А. Музыкальность скульптуры как компонент культурного ландшафта города (на примере скульптуры г. Барнаула) // Культурное наследие России. 2018. № 4. С. 89–95.
13. Степанская Т.М. Очерки истории искусства Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 168 с.
14. Замятин Д.Н. Геокультурный брендинг городов и территорий: от теории к практике. СПб.: Алетейя, 2020. 668 с.
15. Ковтун А. Клыков и Шукшин // Литературная газета. 2016. № 27.
16. Заболоцкий А. Слова матери. URL: https://www.youtube.com/watch?v=55nKJhUxahU&ab_channel (дата обращения 12.04.2023).
17. Боженко С. Достучаться до совести, или Как это было в Барнауле. Барнаул, 2009. 100 с.
18. Памятник Василию Шукшину в Барнауле. URL: https://visitaltai.info/where_visit/objects/monuments/pamyatnik-vasiliyu-shukshinu-v-barnaule/?sphrase_id=134515 (дата обращения: 21.04.2023).
19. В. Клыков – скульптор и подвижник русского народа. URL: <https://sculptprivet.ru/russia/skulptor-klykov-raboty-chast5> (дата обращения 15.05.2023).
20. Шукшин В.М. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. Рассказы. Барнаул: ООО «Изд. Дом Барнаул», 2009. 320 с.
21. Степанов П. 20 тонн обиженной бронзы // Коммерсантъ. Власть. 2004. № 28.

Monuments to V. Shukshin in the Context of Memorial Landscape

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2023, 2 (89), 26–35.

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-26-35

Irina V. Shestakova, Academy of Media Industry (Moscow, Russian Federation). E-mail: irina-shesta@mail.ru

Keywords: memorial landscape, pictorial and plastic language, sculpture, monument, V. Shukshin.

The article deals with the problem of interconnectedness of the memorial landscape and monuments to V. Shukshin in Altai. The relevance of the study is due to the significance of the personality of V. Shukshin, as well as the need to systematize knowledge about the history of creation, the installation of monuments to him. The purpose of the article is to study the artistic features of the monuments to V. Shukshin in the context of the memorial landscape. The objectives of the research are to analyze and interpret the works of sculptors, to assess the role of their creations in the cultural space of Altai. The author attempts to expand the idea of the figurative-plastic language of sculptors N. Zvonkov, V. Klykov, about their creative searches. The study of the interaction of monuments with the surrounding space allows us to comprehend the figurative and geographical realities, cultural landscapes of the region. The methodology of comparative stylistic and semiotic approaches opens up great prospects in the analysis of the symbolic form of sculpture. The understanding of monuments as works of art made it possible to distinguish different semantic layers of creations, which gives an answer to the questions of perception of the sculptors' creativity. The analysis of the stylistic diversity of monuments, figurative and symbolic elements of characteristic plastic forms allows us to talk about the ambiguity of meanings contained in them, about their interdependence with the memorial landscape. The practical value of the article is seen in the possibility of using its results in research and museum practice, as well as in educational activities for the preservation of monuments.

References

1. Rucinskaya, I.I. (2018) Genezis memorial'nogo pejzazha v sovetskoj zhivopisi stalinskoj epohi [The Genesis of the Memorial Landscape in Soviet Painting of the Stalin Era]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and intercultural communication*. 4. pp. 129–137.
2. Assman, A. (2018) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [Long shadow of the past. Memorial culture and historical politics]. Moscow: Nov. lit. obozrenie.
3. Yarychev, N.U. (2022) Memorial'naya kul'tura: ot kategorii k fenomenu [Memorial culture: from category to phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 5. pp. 33–37.
4. Svyatoslavskij, A.V. (2013) *Istoriya Rossii v zerkale pamyati. Mekhanizmy formirovaniya istoricheskikh obrazov* [The history of Russia in the mirror of memory. Mechanisms for the formation of historical images]. Moscow: Drevlekhranilishche.
5. Busev, M.A. et al. (eds) *Iskusstvo skul'ptury v XX veke: problemy, tendentsii, mastera: ocherki: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Moskva, 2006* [The Art of Sculpture in the 20th Century: Problems, Trends, Masters: Essays: Proceedings of the International Scientific Conference, Moscow, 2006]. Moscow: Galart, 2010.
6. Busev, M.A. (ed.) (2017) *Iskusstvo skul'ptury v XX–XXI vekah: mastera, tendencii, problemy* [The art of sculpture in the 20th–21st centuries: masters, trends, problems]. Moscow: BuksMArt.
7. Lekus, E.Yu. (2013) Fenomen «postmonumental'nosti» v skul'pture rubezha XX–XXI vekov [The Phenomenon of “Post-Monumentality” in Sculpture at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Filosofiya hozyajstva – Philosophy of Economics*. 2 (86). pp. 233–238.

8. Portnova, T.V. (2019) *Plasticheskie modifikacii A. Burganova* [Plastic modifications by A. Burganov]. *Idei i ideally – Ideas and ideals*. 11. Vol. 1, ch 2. pp. 406–415.
9. Dolzhenkova, G.I. (2021) *Kurskij master. Vyacheslav Mihajlovich Klykov* [Kursk master. Vyacheslav Mikhailovich Klykov]. Kursk: Polstar.
10. Polozkov, I. (2019) Ktozhe on, Klykov? [Who is he, Klykov?]. *Nash sovremennik – Our contemporary*. 10. pp. 125–135.
11. Kiseleva, N.E. (2016) *Istoriko-revolucionnaya tematika v rabotah altajskikh skul'ptorov XX veka* [Historical and revolutionary themes in the works of Altai sculptors of the twentieth century]. *Molodoj uchenyj – Young scientist*. 3. pp. 1052–1055.
12. Pryaduha, N.A. (2018) *Muzykal'nost' skul'ptury kak component kul'turnogo landshafta goroda (na primere skul'ptury g. Barnaula)* [The Musicality of Sculpture as a Component of the City's Cultural Landscape (on the Example of Barnaul's Sculpture)]. *Kul'turnoe nasledie Rossii – Cultural Heritage of Russia*. 4. pp. 89–95.
13. Stepankaya, T.M. (2014) *Oчерки istorii i iskusstva Altaya* [Essays on the history of Altai art]. Barnaul: Altai University.
14. Zamyatin, D.N. (2020) *Geokul'turnyj brending gorodov i territorij: ot teorii k praktike* [Geocultural branding of cities and territories: from theory to practice]. St. Petersburg: Aletejya.
15. Kovtun, A. (2016) *Klykov i Shukshin* [Klykov and Shukshin]. *Literaturnaya gazeta – Literary newspaper*. 27.
16. Zabolockij, A. (n.d.) *Slova materi* [Mother's words]. [Online] Available from: https://www.youtube.com/watch?v=55nKJhUahU&ab_channel (Accessed: 12.04.2023).
17. Bozhenko, S. (2009) *Dostuchat'sya do sovesti, ili Kak eto bylo v Barnaule* [Reach out to conscience, or How it was in Barnaul]. Barnaul.
18. Visitaltai.info (n.d.) *Pamyatnik Vasiliyu Shukshinu v Barnaule* [Monument to Vasily Shukshin in Barnaul]. [Online] Available from: https://visitaltai.info/where_visit/objects/monuments/pamyatnik-vasiliyu-shukshinu-v-barnaule/?sphrase_id=134515 (Accessed: 21.04.2023).
19. Sculptprivet.ru (n.d.) *V. Klykov – skul'ptor i podvizhnik russkogo naroda* [V. Klykov - sculptor and ascetic of the Russian people]. [Online] Available from: <https://sculptprivet.ru/russia/skulptor-klykov-raboty-chast5> (Accessed: 15.05.2023).
20. Shukshin, V.M. (2009) *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collected Works: In 8 Vols]. Vol. 7. Stories. Barnaul: Izd. Dom Barnaul.
21. Stepanov, P. (2004) *20 tonn obizhennoj bronzy* [20 tons of offended bronze]. *Kommersant. Vlast' – Merchant. Power*. 28.

УДК 316

DOI: 10.24412/2070-075X-2023-2-35-41

Т.Ю. Данильченко, Синь Юйфэн, Ши Цюн

КИТАЙ: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Предметом исследования является традиционный культурный код Китая и его современные трансформации. Отмечается, что идеологическая формула «Китайская мечта» реализуется на основе использования традиционных кодов и концептов конфуцианства. Традиция дополняется диджитализацией, информатизацией и идеологией социализма с китайской спецификой. Авторы раскрывают современную социодинамику Китая, обращаясь к основным трендам современной моды, интегрирующей направления социальной энергии и интенции кодовой модификации.

Ключевые слова: культурные коды, стратагемы, «Китайская мечта», диалектика традиций и инноваций.